

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХРОНИСТА
ИОАННА МАЛАЛЫ

Ни одно произведение византийской хронографии раннего периода не пользовалось в течение всего средневековья такой популярностью, как «Хронография» или «Всемирная хроника» Иоанна Малалы¹.

В научной литературе длительное время ведутся споры о личности автора этого знаменитого труда. Одни ученые отождествляют Иоанна Малалу с константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком, уроженцем Антиохии, занимавшим патриарший престол в столице империи с 565 по 577 г.² Другие сближают Иоанна Малалу и Иоанна Антиохийского³. Третьи, наконец, без достаточных оснований переносят жизнь и деятельность хрониста даже в VIII в.⁴

Достоверно известно лишь то, что автор «Хронографии» Иоанн был сирийцем по происхождению и ритором по профессии. Сирийский термин «melel» — «ритор», аналог греческого ῥήτωρ, видимо, породил его прозвище — «Иоанн Ритор» (Ἰωάννης Μαλάλας)⁵. Время жизни Иоанна точно не установлено, но наиболее вероятным кажется, что жизнь хрониста протекала между 491—578 гг.⁶ Родился Иоанн Малала в Антиохии, где и получил классическое образование в школе ораторского искусства. Впоследствии Иоанн стал клириком и написал исторический труд в духе христианской идеологии.

Историческое произведение Иоанна Малалы дошло до потомков лишь в единственной рукописи XII в., хранящейся в Бодлеянской библиотеке. Хотя уникальный список «Хронографии» Малалы относительно позднего происхождения, анализ текста рукописи не обнаруживает в нем

¹ *Joannis Malalae Chronographia*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831 (далее — *Malal.*).

² *J. Hanry. Johannes Malalas identisch mit Patriarchen Johannes Scholasticos?* — *BZ*, 9, 1900, S. 337—356.

³ *E. Patzig. Johannes Antiochenus und Johannes Malalas. Progr. Leipzig, 1892; E. W. Brooks. The Date of the Historian John Malala.* — *EHR*, 7, 1892, p. 291—301; *E. Patzig. Die Abhängigkeit des Johannes Antiochenus von Johannes Malalas.* — *BZ*, 10, 1901, S. 40—57.

⁴ *G. Sotiriadis. Zur Kritik des Johannes von Antiochia.* — «*Jahrbücher für klassische Philologie*». Suppl. 16, 1888, S. 1—25.

⁵ *V. Grumel. Jean Malalas ou Malelas.* — «*Catholicisme*», 6, 1964, p. 612.

⁶ *G. Moravcsik. Byzantinoturcica*, I. Berlin, 1958, S. 329—330. Литература о Малале — *ibid.*, S. 332—334. С. П. Шестаков показал, что славянский перевод «Хронографии» помогает разрешить спор о принадлежности части хроники Иоанну Антиохийскому или Иоанну Малале в пользу последнего. Этот же ученый выяснил, что упомянутый Евагрием в его «Церковной истории» антиохийский ритор Иоанн был не кем иным, как Иоанном Малалой (С. П. Шестаков. Иоанн Ритор (Ἰωάννης ὁ ῥήτωρ) в «Церковной истории» Евагрия. — «УЗ имп. Казанского ун-та», 1890, кн. 5, стр. 97—132).

каких-либо одновременных наслоений и его можно считать довольно близким по языку и стилю к оригиналу VI в.⁷

Труд Иоанна Малалы сохранился в далеко не полном виде. Начало и конец рукописи, кажется, безвозвратно утрачены. Последняя из сохранившихся книг «Хронографии» — 18-я книга, как видно, подверглась сильному сокращению и была отредактирована рукой какого-то неизвестного редактора. На это указывает неравномерность распределения материала в завершающей части сочинения. Действительно, если в первой половине 18-й книги «Хронографии» на 50 страницах текста освещается лишь 4 года правления Юстиниана, то в последней части этой же книги 30 годам царствования того же императора отводится всего 20 страниц. Повествование здесь делается суммарным, а изложение — крайне сухим⁸.

Однако благодаря тому, что отрывки из хроники Иоанна Малалы были вкраплены в сочинения других византийских писателей или переведены еще в средние века на различные языки с более пространным протографом, в настоящее время удастся восстановить более полный по сравнению с Оксфордской рукописью текст этого выдающегося исторического произведения. Так, важные дополнения к Оксфордскому списку Малалы содержатся в знаменитых трудах Константина Порфирородного⁹. Особенно интересны отрывки из хроники Иоанна Малалы, сохранившиеся в рукописи Гроттаферратского монастыря и известные под названием *Fragmenta Tusculana*¹⁰⁻¹¹. Отдельные фрагменты хроники рассыпаны по другим многочисленным рукописям; нередко они соседствуют с отрывками из сочинения Иоанна Антиохийского.

Большую помощь в воссоздании полного текста сочинения Малалы оказывают переводы хроники на языки других народов. Наиболее ранним среди иноязычных версий сочинения Иоанна Малалы является перевод на латинский язык, входивший в состав Палатинской хроники VIII в.¹² Не менее ценны переводы «Хронографии» на грузинский¹³ и особенно на старославянский языки¹⁴, также восходящие к более раннему, чем дата Оксфордской рукописи, времени. Так, перевод труда Иоанна Малалы на старославянский язык некоторые исследователи относят к X—XI вв.¹⁵ Использование неизвестных нам более древних списков

⁷ *Catalogi codicum manuscriptorum Bibliothecae Bodleianae in Oxford*, 182; S. XI, f. 1—331; K. *Krumbacher*. *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*. München, 1897, S. 329—330; G. *Moravcsik*. *Op. cit.*, S. 330—331.

⁸ Это породило даже гипотезу о существовании двух авторов хроники Иоанна Малалы, на чем мы остановимся ниже в другой связи.

⁹ *Constantini Porphyrogeneti Excerpta de insidiis*, ed. C. de Boor. Berolini, 1905, p. 151—176; *idem*. *Excerpta de virtutibus et vitiis*, ed. Th. Büttner-Webst, I. Berolini, 1906, p. 157—163.

¹⁰⁻¹¹ A. *Mai*. *Spicilegium Romanum*, II. Romae, 1839, Appendix, p. 1—28; PG, t. 85, col. 1807—1824; A. *Rocchi*. *Codices Cryptenses seu Abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculo digesti et illustrati*. Romae, 1884, p. 401—402.

¹² A. *Mai*. *Spicilegium Romanum*, IX. Romae, 1843, p. 118—140; PL, t. 94, col. 1161—1174; L. *Traube*. *Chronicon Palatinum*. — BZ, 4, 1895, S. 489—492.

¹³ C. E. *Gleye*. *Die grusinische Malalasübersetzung*. — BZ, 22, 1913, S. 63—64.

¹⁴ В. М. *Истрин*. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. — Записки АН, сер. VIII, т. 1, № 3. СПб., 1897; «Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», т. X. Одесса, 1902; т. XIII, 1905; т. XV, 1909; т. XVII, 1913; «Сборник ОРЯС», т. 89, № 3. СПб., 1914; т. 89, № 7, 1912; т. 90, № 2, 1913; т. 91, № 2, 1914. См. также: *Chronicle of John Malalas. Books VIII—XVIII*, translated from the Church-Slavonic by M. Spinka — Gl. Downey. Chicago, 1940; Н. А. *Мещерский*. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — ВВ, XI, 1956, стр. 279—284.

¹⁵ А. *Попов*. Обзор хронографов русской редакции, I. М., 1866, стр. 50—51. А. *Шахматов*. Древнеболгарская энциклопедия X в. — ВВ, VII, 1900, стр. 1—36; В. М. *Истрин*. Из области древнерусской литературы. Очерк III. — ЖМНП, ч. 350, 1903, ноябрь, стр. 167—186; З. В. *Удальцова*. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — АЕ. М., 1966, стр. 47—58.

делало их немаловажным источником для восстановления текста хрониста¹⁶.

Всемирная хроника Иоанна Малалы охватывала период времени с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана включительно. В Оксфордской рукописи хроника Малалы заканчивается 563 г., но есть предположение, что существовало ныне утерянное заключение (о чем говорят отдельные фрагменты), доведенное либо до 565 г., т. е. до конца царствования Юстиниана, а возможно даже и до 574 г.¹⁷

Хронологический охват исторического повествования Малалы поистине огромен: труд начинается с освещения библейской истории, затем в переработанном виде излагаются греческая мифология и история народов Востока. Перед читателем проходит вся древняя история Римского государства, предстает эллинистический мир в эпоху Диадехов, идут чередой римские и византийские императоры¹⁸. Хронику увенчивает поразительный по беспристрастности и разнообразию материала рассказ о царствовании Юстиниана.

Хроника Иоанна Малалы, как утверждает сам автор, основана на многих источниках, в том числе на трудах античных авторов, но хронист далеко не всеми ими пользуется непосредственно, а берет главным образом из вторых рук — из более поздних компиляций римского и византийского времени.

Так, например, для истории Троянской войны Малала использует компиляцию, известную под именами Диктиса Критского¹⁹ и Сиспера Кеосского; при изложении античной истории Греции и Рима он руководствуется трудами Секста Юлия Африкана и хрониками Домника и Нестория²⁰. Сочинение Нестория дает возможность Малале довести изложение событий до 477 г. При описании фактов последующего времени, вплоть до 502 г., Малала следует за всемирной хроникой Евстафия Епифанийского²¹.

Сам Малала указывает при определении хронологии событий, что он пользовался хрониками Климента, Феофила, Тимофея и Евсевия, сына Памфила. При этом он отдает предпочтение хронологии Феофила и Тимофея²². Однако трудно сказать, что именно было заимствовано Малалой

¹⁶ С. П. Шестаков, сравнив греческий оригинал и различные фрагменты хроники Малалы со славянским переводом, убедительно доказал, что славянский переводчик использовал более полную, не дошедшую до нас рукопись Малалы и что славянский перевод имеет поэтому огромное значение для восстановления первоначального текста хроники. См.: С. П. Шестаков. О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста. — ВВ, I, 1894, стр. 503—552; С. П. Шестаков. Прибавление к статье «О значении славянского перевода Малалы». — ВВ, II, 1895, стр. 372—377. См. также: Э. М. Шусторович. Древнеславянский перевод хроники Иоанна Малалы (История изучения). — ВВ, 30, 1969, стр. 136—152.

¹⁷ G. Moravcsik. Op. cit., S. 330; E. W. Brooks. Op. cit.; E. A. Черноусов. Из этюдов по Малале. — «Сб. в честь С. А. Жебелева». Л., 1926.

¹⁸ A. Schenk von Stauffenberg. Die römische Kaisergeschichte bei Malalas. Stuttgart, 1931.

¹⁹ E. Patzig. Dictys Cretensis. — BZ, I, 1892, S. 131—152; F. Nogack. Der griechische Dictys. — «Philologus», Suppl. 6, 1891—1893, S. 403—500; M. E. Griffin. Dares a Dictys. Baltimore, 1907; E. Patzig. Das griechische Dictysfragment. — BZ, 17, 1908, S. 382—388; idem. Malalas und Dictys führen zur Lösung eines archeologischen Problems. — Byz., 4, 1927/28, S. 281—300.

²⁰ G. Moravcsik. Op. cit., S. 330; H. Gelzer. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie, I. Leipzig, 1880, S. 57—74; II. 1885, S. 129—238; H. Haupt. Dares, Malalas und Sisiphos. — «Philologus», 40, 1884, S. 107—124; H. Bourrier. Über die Quellen der ersten vierzehn Bücher des Johannes Malalas, I—II. Progr. Ansburg, 1899/1900; H. Gelzer. Zu Africanus und Johannes Malalas. — BZ, 3, 1894, S. 394—395.

²¹ P. Maas. Eine neue Handschrift der Weltgeschichte des Eustathios von Epiphaneia. — BZ, 38, 1938, S. 350.

²² Malal., p. 428.

из этих хроник, ибо они (за исключением хроники Евсевия) утеряны. Заимствования же из Евсевия сравнительно незначительны.

Некоторые ученые полагают, что Малала имел в руках городские анналы Антиохии. Это, на наш взгляд, сомнительно, ибо он довольно кратко говорит о событиях из жизни этого города, а одно ни к чему не обязывающее упоминание об анналах Антиохии не является еще доказательством того, что они были источником его 18-й книги²³. Также нет вполне достоверных данных об использовании Малалой городской хроники Константинополя.

Недостаточная осведомленность Малалы в политических вопросах и незнание с тайными пружинами придворной и дипломатической игры своего времени не дают возможности предположить, что нашему хронисту были доступны государственные документы. Правда, в своей хронике Малала часто упоминает о различных законах и государственных предписаниях, в частности, о законах, изданных Юстинианом. Но при этом он неизменно прибавляет, что эти законы были посланы императорской канцелярией по городам и церквам империи и доводились властями до сведения народа. В частности, Малала рассказывает об одном эдикте, который был написан на греческом языке на деревянных таблицах и выставлен в Антиохии для всеобщего обозрения²⁴. Иными словами, нашему хронисту были доступны лишь те государственные предписания, которые имели широкое распространение среди всего населения Византийской империи, а не хранились в государственных или городских архивах.

Интересен вопрос о связи хроники Малалы с сирийской литературной традицией. Н. В. Пигулевская показала, что сочинение Иоанна Малалы было тесными узами связано с историей Сирии, и особенно с историей родного города нашего хрониста Антиохией²⁵. Кроме того, эта же исследовательница установила зависимость некоторых разделов труда Малалы от Нонна и сирийского писателя Иоанна Эфесского. В целом она считает хронику Малалы вульгаризованной версией труда Иоанна Антиохийского, который являлся общим источником для нескольких византийских авторов²⁶.

Изучение источников Иоанна Малалы далеко еще не завершено. Очевидно, что Малала широко использовал устную традицию, о чем свидетельствует частое употребление им таких выражений, как *ὡς εἰδότες λέγουσιν* «как говорят знающие люди»²⁷ и т. п.

Для описания многих событий конца V—VI в. Иоанн Малала мог воспользоваться устными рассказами очевидцев старшего поколения. По его собственным словам, о времени Зинова и правлении Юстиниана он писал самостоятельно. Значительную роль в создании исторического сочинения Малалы, естественно, сыграли личные наблюдения и жизненный опыт автора.

* * *

Наиболее сложным вопросом при изучении исторического сочинения Малалы является вопрос о мировоззрении нашего хрониста.

18-я книга «Хронографии» Малалы, посвященная описанию царствования Юстиниана, современником которого был автор, естественно, проливает наиболее яркий свет на социально-политические и религиозные взгляды этого писателя.

²³ *Malal.*, p. 431.

²⁴ *Ibid.*, p. 470.

²⁵ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М., 1964, стр. 13.

²⁶ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М., 1951, стр. 223—224.

²⁷ *Malal.*, p. 456, 457, 466 etc.

Важнейшим показателем при определении политической направленности произведения Иоанна Малалы (впрочем, как и других современных ему авторов) является его отношение к правлению императора Юстиниана. И здесь мы должны признать, что наш хронист вполне лоялен, а порою даже благожелателен к этому правителю. Образ Юстиниана рисуется автором с явной симпатией; Малала подчеркивает внешнюю привлекательность Юстиниана, его великодушие, преданность христианской вере.

«Был он низкого роста, — пишет Малала, — широкогрудый, с красивым носом, белым цветом лица, курчавыми волосами. Был круглолиц, красив, хотя и без волос на лбу, цветущий на вид, но борода и голова его поседели, великодушный, христианин. Любил партию венетов. Он был фракийцем, родом из Бедериан»²⁸.

В отличие от Прокопия, всячески порочащего императора и осуждающего его за жадность и грабежи подданных, Малала очень часто рассказывает о различных милостях Юстиниана в отношении населения империи. По его словам, этот правитель постоянно заботился о строительстве новых городов и реставрации старых. Особенно внимательно он следил за благоустройством столицы и других крупных центров империи: он украсил Константинополь красивыми зданиями, построил цистерны, обновил водопровод²⁹. По указанию Юстиниана был реставрирован водопровод и в Александрии³⁰. Большие суммы из императорской казны тратились на помощь городам Византийской империи. Так, император, по рассказу Малалы, пожертвовал городу Лаодикее, пострадавшему от землетрясения, два кентенария золота на восстановление стен и зданий³¹. По приказу Юстиниана на государственные средства было произведено обновление построек города Мартирополя в Армении, переименованного в Юстинианополь³². Тот же император помог деньгами из своей казны восстановлению городов Сики³³, Амасии Понтийской³⁴, Помпейополю в Мисии³⁵, столице Ликии городу Мире³⁶ и многим другим городам Византийского государства, пострадавшим от каких-либо стихийных бедствий. Малала красочно описывает землетрясения в Помпейополе и рассказывает о помощи правительства Юстиниана жителям этого города. Он пишет: «В то же самое время пострадал от божьего гнева Помпейополь в Мисии: ведь когда произошло землетрясение, неожиданно раскололась земля и поглотила половину города вместе с жителями, и они оказались под землей. Крики их доносились к спасшимся. Император считал делом своей чести производить траты для того, чтобы откопать и спасти находившихся под землей, а также для того, чтобы восстановить город в интересах живых»³⁷.

Щедрость императора, по данным хрониста, проявилась во всей полноте особенно тогда, когда землетрясение невиданной силы произошло почти во всех провинциях Востока, бедствие охватило всю Палестину, Аравию, Месопотамию, Антиохию, прибрежную Финикию и Ливанегию. «В этой

²⁸ *Malal.*, p. 425: ... ἦν δὲ τῆ ἰδέᾳ κονδοειδῆς, εὐστῆθος, εὐρινός, λευκός, οὐλόδριξ, στρογγύλοψις, εὐμορφός, ἀναφάλας, ἀνδρὸς προσίοπος, μισοπόλιος τὴν κάραν καὶ τὸ γένειον, μεγαλόψυχός, Χριστιανός. ἔκαίρε δὲ τῶ Βενέτῳ μέρει, καὶ αὐτός δὲ ὦν Θράξ ἀπὸ Βεδεριάνας. Однако Малала не дает психологической характеристики Юстиниана, в отличие от портретов римских императоров: *O. Schissel von Fleschenberg. Die psychoetische Charakteristik in den Portraits der Chronographie des Johannes Malalas.* — «Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte», 9, 1910.

²⁹ *Ibid.*, p. 435—436.

³⁰ *Ibid.*, p. 445.

³¹ *Ibid.*, p. 443.

³² *Ibid.*, p. 427.

³³ *Ibid.*, p. 430.

³⁴ *Ibid.*, p. 448.

³⁵ *Ibid.*, p. 436—437.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Ibidem.*

катастрофе, — пишет Малала, — пострадали города: Тир, Сидон, Бейрут, Триполи, Библ, Вотрис (Βότρως) и части других городов. Погибло в них множество людей. В городе Вотрисе откололась часть прилегающей к морю горы, называемой Литопросопос, она сползла в море и образовала гавань, так что туда могли входить довольно большие суда. Раньше же в этом городе гавани не было. Император послал деньги во все епархии и восстановил постройки этих городов»³⁸.

Для характеристики лояльного отношения Малалы к правительству Юстиниана очень показательны также, что хронист, в отличие от других источников VI в. (в первую очередь Прокопия и Иоанна Лида), неустанно жалуется на налоговые притеснения этого императора, или совсем хранит молчание о налоговых тяготах, или, наоборот, хвалит милостивую финансовую политику Юстиниана, освобождавшего своих подданных от налогов. Так, он рассказывает, что после переименования Антиохии в Теополис Юстиниан «... одарил божественной милостью антиохийцев, лаодикейцев и селевкийцев, облегчив им уплату налога на три года, пожаловав этим городам 200 либров золота, а их властителям достоинство иллюстриев»³⁹. Малала упоминает и о других налоговых льготах, дарованных Юстинианом населению страны⁴⁰.

Малала прославляет благотворительность и щедрость Юстиниана. Так, хронист повествует о том, что Юстиниан оказал большую милость жителям столицы Сирии, подарив им в знак своего благоволения собственные одежды, украшенные драгоценностями, которые были как святыня повешены в церкви Кассиана в Антиохии⁴¹.

Широко известны многочисленные обвинения Прокопия, выдвинутые им против Юстиниана в «Тайной истории». Особое негодование Прокопия вызывает политика захвата имущества знати. Прокопий обвиняет Юстиниана в том, что он отнимал имущество богатых и знатных граждан, принуждая их завещать ему свои богатства в ущерб интересам их наследников. В противовес Прокопию Малала приводит случай, когда император принял по завещанию явно убыточное наследство комита domestikов Евлалия, заплатив из казны его долги и дав из своих собственных средств большое приданое трем дочерям умершего вельможи⁴².

Очень положительно характеризует Малала законодательную деятельность Юстиниана. Хронист при этом подчеркивает особое значение тех законов, которые были направлены в какой-то степени и на улучшение положения большинства граждан византийского государства.

Симптоматично, что Малала выделяет из общей массы законов, изданных Юстинианом, именно такие, которые ограничивали произвол архонтов и судей и давали какие-то гарантии гражданам. Так, он пишет, что Юстиниан издал новый закон, направленный против возможных злоупотреблений правителей провинций: на время их пребывания в должности им запрещалось приобретать в провинции земли, строить дома, ибо при этом они могли использовать свое служебное положение в ущерб местным землевладельцам⁴³.

³⁸ *Malal.*, p. 485.

³⁹ *Ibid.*, p. 444.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 437.

⁴¹ *Ibid.*, p. 450.

⁴² *Ibid.*, p. 439—440. Малала рассказывает при этом, что куратор императорского имущества Македонии, узнав о том, что наследство Евлалия обременено долгами, советовал Юстиниану от него отказаться. Император же якобы ответил ему: «Почему ты мешаешь мне принять наследство и сделать благочестивое дело? Иди и оплати его долги и исполни то, что он завещал. Трех дочерей его повелеваю отвести к августе Феодоре и охранять их при императорской спальне. Повелеваю дать им в приданое по 20 либров золота и все имущество, которое оставил их отец».

⁴³ *Ibid.*, p. 437: «Тот же самый император, — пишет Малала, — обновив законы, установленные ранее правившими императорами, и издав новые, разослал их по городам, чтобы архонт во время исполнения своей должности, пока он таковым является,

Малала упоминает также о нововведениях Юстиниана в сфере семейного права и права наследования: о наследовании имущества незаконными детьми, о праве наследников предъявлять иск о наследстве без ограничения срока и о других подобных постановлениях, защищавших интересы наследников⁴⁴.

Особенно показательны для характеристики политических взглядов Иоанна Малалы прославление им тех эдиктов Юстиниана, которые были направлены на пресечение злоупотреблений судей и на упорядочение судопроизводства. По словам Малалы, Юстиниан издал свод древних законов и разослал его по городам с приказом, чтобы судебное разбирательство велось без волокиты и тяжущиеся не подвергались притеснениям и чтобы дела рассматривались как можно быстрее⁴⁵. Кроме того, император обнародовал законы, составленные в интересах людей, призванных к суду, приказав, чтобы судьи и другие чиновники не брали спортул и подарков больше установленного размера⁴⁶.

Все это показывает, что Малалу из огромной массы законов, изданных при Юстиниане, в первую очередь интересовали те, которые были непосредственно выгодны населению и связаны с облегчением его положения. Именно за издание подобных законов одобряет хронист законодателя.

Внимание нашего хрониста привлекает также административная деятельность Юстиниана. Правда, он осведомлен о ней значительно хуже, чем его современники Прокопий и Иоанн Лид, ближе стоявшие к правящим кругам империи. Более всего ему известно о переменах в административном устройстве восточных областей византийского государства. Так, Малала сообщает об административных реформах Юстиниана в Армении, об учреждении там должностей консулов Армении и о привлечении к управлению этой провинцией местной знати⁴⁷. Насущный интерес для автора представляют изменения в административном устройстве Сирии, о чем он сообщает с большими подробностями⁴⁸. При этом он не забывает сказать о том, какие изменения в церковном устройстве и распределении епархий влекли за собой административные преобразования Юстиниана.

Что касается всей совокупности административных реформ Юстиниана, так хорошо отраженных в новеллах этого императора и отчасти в трудах Прокопия и Иоанна Лиды, то о них хронист знает мало и сообщает лишь о самом главном. Он упоминает о том, что вскоре после восстания Ника Юстиниан уничтожил должность ночного эпарха столицы и вместо него назначил претора⁴⁹. Однако Малала не вскрывает социальный смысл

не строил дом и не приобретал землю, кроме как от своего родственника, для того чтобы совладельцы не испытывали насилия или чтобы кто-либо не был вынужден, оказывая уважение должностному положению архонта, составить завещание в его пользу».

⁴⁴ *Malal.*, p. 437: «... равным образом и о незаконных детях, чтобы наследовали имущество в соответствии с законом Анастасия. И о наследнике, чтобы можно было ему требовать наследство, когда он захочет, и чтобы срок для этого не был ограничен».

⁴⁵ *Ibid.*, p. 448: «В то же время был составлен свод древних законов. Составив новые законы, он [император] разослал их по всем городам, чтобы тяжущиеся не подвергались волокиты и притеснениям, но чтобы дело производилось как можно быстрее. Объединив их [законы] в одну книгу, он послал ее в Афины и Бейрут».

⁴⁶ *Ibid.*, p. 470—471: «Император послал по всем городам законы, составленные в интересах людей, призываемых к суду, и касающиеся расходов, необходимых при рассмотрении дел, а также подарков, приказав, чтобы никто не смел брать подарки сверх установленного им размера» (... ὁμοίως δὲ καὶ περὶ τῶν παρεχομένων спортуλῶν, θεσπίτας μηδένα τολμᾶν λαμβάνειν περαιτέρω τῆς παρ' αὐτοῦ τυπωθείσης ποσότητος).

⁴⁷ *Ibid.*, p. 429.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 448: «Этот же император, — пишет Малала, — отделил от Антиохии первой Сирии города: Лаодикею, Габалу и Палтон, а от Апамеи второй Сирии город Баланею и образовал епархию, назвав ее Феодориадой и дав ей право иметь митрополита. Епископа же Лаодикеи он освободил от подчинения патриарху Антиохии».

⁴⁹ *Ibid.*, p. 479: «... περιήρεθ' ἡ τῷ αὐτῷ χρόνῳ ἢ τοῦ νυκτεπάρχου ἀρχῆς, καὶ ἐγένετο ἀντ' αὐτοῦ πραιτωρ· καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει προεβλήθη κοιαίστωρ... Упомянув об учре-

этого нововведения, направленного на усиление борьбы с народными восстаниями ⁵⁰.

Итак, верноподданническое отношение Иоанна Малалы к правлению Юстиниана, отсутствие даже намек на критическую оценку внутренней или внешней политики самодержца ромеев убеждают нас в том, что по своим политическим воззрениям хронист принадлежал к лояльно настроенным кругам византийского общества.

Сложной проблемой, породившей горячие споры в византиноведческой литературе, является вопрос о религиозных взглядах Малалы. Дискуссия сводилась к тому, был ли Малала приверженцем ортодоксального никейского вероисповедания или монофиситом? Некоторые ученые обнаруживали в хронике следы монофиситских взглядов, что, однако, противоречило ортодоксальности заключительной части 18-й книги исторического труда Малалы ⁵¹.

Это противоречие пытались разрешить, выдвинув две гипотезы. Согласно первой из них, существовало два хрониста — ортодокс и монофисит, которые и являются якобы соавторами произведения, известного под названием «Хронографии» Иоанна Малалы. Другие исследователи воздерживались от столь крайнего суждения и ограничивались гипотезой о том, что монофиситский труд Малалы был подвергнут в последней своей части обработке со стороны какого-то неизвестного ортодоксально настроенного редактора ⁵².

Приглядимся ближе к религиозным воззрениям Малалы в том виде, как они проявляются в его историческом сочинении.

Прежде всего бросается в глаза, что при всей своей благочестивости хронист остается в стороне от современных ему жгучих догматических споров и не высказывает о них каких-либо суждений. Он вообще очень сдержан и немногословен при описании церковных дел.

В оценке религиозной политики Юстиниана у Малалы проскальзывает некоторая двойственность. Официозное восхваление его церковной деятельности сочетается с некоторыми критическими замечаниями или симптоматичными умолчаниями. Однако официально-ортодоксальная точка зрения постоянно берет верх. Хронист подчеркивает благочестие василевса ⁵³ и его заботу об интересах церкви. Так, например, он упоминает о знаменитом эдикте Юстиниана, запрещавшем отчуждать церковное имущество. «В то же время, — пишет он, — император издал указ о епископах, орфанотрофах, экономах и ксенодохах: каждый пусть составляет завещание, но только в отношении того имущества, которое он имел в собственности прежде, чем занял эту должность; пусть только это он и завещает. И немедленно, как только он назначался, указывалось его имущество» ⁵⁴.

Особенно хвалит Малала императора за политику распространения христианства среди варварских народов. Малала прославляет такой акт церковной политики, как крещение гуннов ⁵⁵, христианизацию аксумитов ⁵⁶. Он неустанно подчеркивает, что Юстиниан, придавая столь боль-

ждению должности претора, Малала имеет в виду претора плебса. Однако он допускает ошибку, говоря о создании должности квестора, когда в действительности была введена новая магистратура квеститора, а не квестора (*Nov. Just.*, 13; *Procop.*, II, а., XX, 12—14).

⁵⁰ «История Византии», т. 1. М., 1967, стр. 295.

⁵¹ *E. Patzig. Der angebliche Monophysitismus des Malalas.* — *BZ*, 7, 1898, S. 111—128; *C. E. Gleye. Über monophysitische Spuren im Malalaswerke.* — *BZ*, 8, 1899, S. 312—327.

⁵² *K. Krumbacher. Op. cit.*, S. 331 f.

⁵³ *Malal.*, p. 425.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 430; *Nov. Just.*, VII.

⁵⁵ *Malal.*, p. 431. Речь идет о крещении гуннов, живших близ Боспора, и о принятии христианства их королем Гродом.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 434.

пное значение миссионерской деятельности, постоянно был сам восприимчивым при крещении варварских правителей⁵⁷.

Для определения религиозных взглядов Малалы очень показательным его отношение к гонениям против еретиков и язычников, начатым в правление Юстиниана. В начале своего труда автор весьма сдержан в этом вопросе. Малала просто констатирует факт запрещения различных ересей и говорит, что у еретиков, кроме ариан-экзакионитов, были отобраны церкви⁵⁸.

Иное отношение встречаем мы у автора, когда он переходит к описанию гонений в Персии против манихейской ереси. Здесь уже сочувствие Малалы на стороне гонителей, и он оправдывает массовое истребление манихеев, тем более что их церкви передавались христианам. Хронист пишет: «В то же время в персидских областях обнаружилась манихейская ересь. Узнав об этом, царь персов (Навад. — З. У.) разгневался, так же как и верховные маги персов. Ведь был у этих манихеев и епископ по имени Пндарадзар. Персидский царь устроил совет и, собрав всех манихеев вместе с епископом, отдал приказание стоявшему вокруг вооруженному войску, и были зарублены мечами все манихеи и их епископ вместе со своим клиром. Все они были убиты на глазах самого царя и христианского епископа. Имущество их было конфисковано, а церкви переданы христианам. Он же (Юстиниан. — З. У.) разослал по своей стране божественный указ о том, чтобы сжигали уличенных в манихействе»⁵⁹.

Когда позднее новый шах Хосров I Аношарван при вступлении на престол принужден был разрешить манихеям безбоязненно следовать своей вере, подобная веротерпимость персидского правителя не вызвала сочувствия хрониста⁶⁰.

Особенно непреклонен Малала в своем враждебном отношении к самаритянам и иудеям, гонения против которых он полностью оправдывает⁶¹.

Малала хорошо осведомлен о том, что гонения против еретиков вызвали огромное недовольство населения и народные волнения, особенно в восточных провинциях империи, в частности, в родном городе писателя — Антиохии. Хронист очень живо описывает столкновения в Антиохии, порожденные преследованиями еретиков. «По городам, — пишет он, — были посланы сакры, чтобы отправить в изгнание тех, кто не ходит в святые церкви, ссылаясь на постановление Халкидонского собора шестисот тридцати. В Антиохии произошло волнение, и димы устремились в резиденцию епископа, кидая камни и выкрикивая оскорбительные слова. Когда те, кто находился в патриархии, вышли вместе с комитом Востока, то, бросая камни и стрелы, они погубили многих восставших. О сделанном было доложено императору, который многих приказал казнить»⁶².

Эта картина религиозной борьбы, нарисованная, как кажется, очевидцем событий, свидетельствует о том, что Малала не оставался равнодушным к столкновениям еретиков (скорее всего монофиситов) и православных, но не решался открыто высказаться против правительственной политики, хотя, быть может, втайне и сочувствовал гонимым. Однако прямых доказательств приверженности писателя к монофиситской ереси, думается, здесь усмотреть нельзя.

Никакой симпатии не вызывают у нашего автора и гонимые эллины. «В то же самое время было великое гонение на эллинов и было подверг-

⁵⁷ *Malal.*, p. 438.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 428.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 444.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 472.

⁶¹ *Ibid.*, p. 445—447, 487. О восстаниях самаритян и об отношении к ним Малалы мы скажем ниже.

⁶² *Ibid.*, p. 468.

нуто конфискации имущество многих людей, среди которых умерли Македоний, Асклепиодот, Фока, сын Кратера, и квестор Фома. Многие этим были сильно напуганы. Император издал указ, чтобы эллины не принимали участия в управлении государством»⁶³.

Как и Прокопий, Малала указывает, что среди эллинов-язычников были представители старой знати, занимающие высокие государственные посты. Позднее, как сообщает Малала, гонения на язычников еще более усилились: арестованные язычники были с позором провезены по столице империи, их книги были сожжены, а также уничтожены изображения и статуи их «нечестивых богов»⁶⁴.

Несколько мягче, чем к эллинам-язычникам, относится Малала к другим еретикам: он сочувствует тому, что по отношению к ним Юстиниан сначала проявил известную умеренность. Сторонники других ересей должны были по приказу императора удалиться из ромейской земли, «впрочем, им была дана отсрочка на 3 месяца для приобщения к истинной вере»⁶⁵. Малала в дальнейшем кратко и сухо сообщает об издании Юстинианом эдикта против ересей: «Был составлен эдикт об истинной вере и против нечестивых еретиков. Он был разослан по церквам каждого города»⁶⁶.

К судьбам сторонников арианской ереси наш хронист совершенно равнодушен. Он лишь мельком сообщает о том, что после побед Велисария в Африке «были отняты церкви от ариан»⁶⁷.

Таким образом, можно высказать предположение, что Иоанн Малала в коренном вопросе церковной политики той эпохи — вопросе взаимоотношения православной церкви и различных еретических течений — внешне придерживается официальной точки зрения. Он открыто враждебен к таким еретическим сектам, как манихеи, весьма неприязнен к самаритянам и иудеям, более равнодушен к гонениям против ариан, ибо западные дела его интересуют меньше и он о них хуже осведомлен. О жгучем же для Востока вопросе взаимоотношений ортодоксов и монофиситов он открыто не говорит, хотя находится в курсе этой борьбы, а порою, быть может, и сочувствует монофиситам, столь сильным и многочисленным в Антиохии. Но открыто выражать свои симпатии к ним он все же не решается.

Различное отношение к отдельным еретическим движениям, нашедшее отражение в хронике Малалы, было, как известно, характерным для всей церковной политики Юстиниана, который был более жесток с ересями радикально-демократического направления и более умерен в отношении ариан и монофиситов⁶⁸.

Надо вместе с тем подчеркнуть, что церковная политика Юстиниана не всегда заслуживает полного и безусловного одобрения хрониста. Так, он недоволен нарушением императором поста⁶⁹ и весьма холодно говорит об эдикте, касающемся расхождения в исповедании веры, по которому, после слияния (объединения) не следует говорить об одной природе Христа, а надо признавать две природы⁷⁰. В данном случае имеется в виду знаменитый эдикт Юстиниана, направленный непосредственно против монофиситов, но в котором сам Юстиниан впал в ересь инкорруптиколов (*incorrupticoles*), ярых противников Севера.

⁶³ *Malal.*, p. 449.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 491.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 449.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 478.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 479.

⁶⁸ «История Византии», т. 1, стр. 273 сл.

⁶⁹ *Malal.*, p. 482: «... В ноябре месяце случилось нарушение поста. Император приказал на второй неделе [поста] продавать мясо. Все мясоторговцы кололи [скот] и продавали его, но никто не ел».

⁷⁰ *Ibid.*, p. 495: «... Καὶ τῶ αὐτῷ μηνὶ προσετέθη ἡδίκτων περὶ τῶν διακρινόμενων ἐν διαφοραῖς ἐκκλησίαις ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ βασιλέως, ὅτι οὐ χρὴ μετὰ τὴν ἔνωσιν λέγειν μίαν φύσιν, ἀλλὰ δύο ὁμολογεῖν».

Еретические заблуждения императора вызвали большое недовольство в стране, а также протесты константинопольского патриарха Евтихия и антиохийского патриарха Анастасия. Разгневанный император жестоко подавил это сопротивление, сместив с патриарших престолов и сослав Евтихия и Анастасия и вновь начав гонения на Востоке против еретиков ⁷¹.

Описание этих событий у Малалы, скупое и холодное, дает иногда основание предполагать его приверженность к вере монофиситов. Однако еретический эдикт Юстиниана вызвал недовольство не только монофиситов, но и православных, и отношение к нему Малалы еще не может быть достаточно веским аргументом в пользу его монофиситства.

Как аргумент в пользу монофиситства Иоанна Малалы иногда выдвигают также и то обстоятельство, что хронист, в отличие от церковных писателей ортодоксального направления, очень глухо говорит о таких «деяниях» Юстиниана, которые особенно прославлялись православным духовенством. Поразительна и его бесстрастность в описании постройки св. Софии, обычно вызывающей огромное восхищение всех ортодоксальных авторов ⁷²⁻⁷³.

И все же, на наш взгляд, это лишь весьма косвенные указания на монофиситские взгляды Малалы.

Вряд ли может служить подтверждением монофиситства хрониста и то обстоятельство, что он особо выделяет щедрость императрицы Феодоры, сторонницы монофиситов, в отношении духовенства. Действительно, у Малалы приводится довольно подробный рассказ о благотворительности Феодоры в отношении церквей: «... После окончания этого индикта августа Феодора с патрикиями и кубикуляриями отправилась в так называемые Питии в сопровождении 4 тысяч человек. Оказав большие милости местным церквам, она возвратилась в Константинополь» ⁷⁴.

Однако остается неясным, какие церкви столь щедро одарила Феодора; скорее всего это были церкви ортодоксального духовенства, ибо при всей своей приверженности к монофиситам императрица вряд ли могла решиться на столь открытое покровительство еретикам, что шло вразрез с официальной церковной политикой ее мужа.

Как и другие его современники, Малала очень суеверен и склонен к описанию различных чудес, творимых святыми и мучениками ⁷⁵. Он верит в божественный промысел и объясняет волей бога исторические события. Так, бог, по словам Малалы, передал вожда восставших самаритян Юлиана в руки императора ⁷⁶. Бог же пожелал, чтобы заговор аргиропратов против Юстиниана не удался ⁷⁷. Страшный мор, безжалостно косивший население империи, считает Малала, был послан богом в наказание за беззакония людей ⁷⁸. Подобные примеры можно было бы умножить.

Итак, по нашему мнению, в труде Малалы нельзя усмотреть открытых выступлений автора в пользу монофиситов; здесь имеются лишь косвенные свидетельства его тайных симпатий к монофиситскому учению. Внешне же Малала вполне ортодоксален, и нет оснований говорить ни об эволюции его религиозных взглядов, ни о наличии православного

⁷¹ The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, 4, 39—40; Vita Eutychiei. — PG, t. 86, col. 2318—2319.

⁷²⁻⁷³ *Malal.*, p. 479, 495. О постройке св. Софии Малала говорит дважды. Первый раз он просто упоминает об этом событии: «В то же самое консульство было обновление (ἐγκαίνια) великой церкви». Второе сообщение о вторичном обновлении великой церкви — более подробно, хотя и без выражений особого восторга.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 440.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 452, 453.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 446.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 493.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 482.

редактора, который якобы изменял последнюю часть хроники в духе ортодоксии.

Следует также отметить, что, в отличие от историков VI в., Малала очень мало интересуется философскими и вообще теоретическими вопросами. Так, он совершенно равнодушно говорит о закрытии Юстинианом Афинской философской школы⁷⁹. Все это свидетельствует о значительной ограниченности кругозора Малалы по сравнению с Прокопием, Агафием, Теофилактом Симокаттой, которые в своих трудах отводили большое место философским проблемам. Это равнодушие к философским вопросам говорит и о значительно меньшей образованности Малалы.

Для выяснения социально-политической направленности исторического сочинения Иоанна Малалы первостепенную роль играет исследование отношения нашего хрониста к острой классовой борьбе своего времени.

Читателя «Хронографии» буквально поражает необычайно большое внимание, которое уделяет автор описанию народных восстаний, происходивших в правление Юстиниана. При этом обычно симпатии хрониста на стороне византийского правительства.

При всей своей политической лояльности Иоанн Малала в описании народных восстаний, пожалуй, все же более объективен, чем чиновник и аристократ Прокопий. Известный демократизм всего труда Малалы оставил и здесь свой след. Находившийся в гуще событий, происходящих на рынках и площадях Антиохии и Константинополя, автор насытил свой рассказ о народных волнениях такими жизненными подробностями, которые ускользали от возвращавшегося в придворных кругах Прокопия. Поэтому повествование Малалы о таких народных движениях, как восстание Ника и волнения самаритян, богаче красками и полнокровнее, чем сообщения других современных ему авторов.

Это, конечно, не означает, что все в рассказе Малалы заслуживает полного доверия и что его повествование лишено ошибок и недостатков. Общие слабости, присущие всей хронике Малалы, проявились, естественно, и в сообщениях о народных восстаниях. Так, Малала отказывается от попыток какого-то реального объяснения причин народных восстаний и дает им чисто провиденциалистское толкование, приписывая их «козням дьявола». Он пишет о восстании Ника: «В то же время в десятый индикт злые демоны создали предлог для мятежа в Византии»⁸⁰. Тот же «дьявол внушил», по мнению Малалы, прасинам и венедам «дурную мысль объединиться»⁸¹.

Вместе с тем именно Малала сообщает наиболее конкретные данные о социальном характере восстания Ника и об участии в нем народных масс. Народ в его рассказе выдвинут на первый план, он — главное действующее лицо событий, в отличие от рассказа Прокопия, который много места в своем повествовании о восстании Ника отводит деятельности сенаторов и событиям во дворце. Так, народ не только присутствует при событиях, послуживших поводом к восстанию, — при казни семи прасинов и венецов, но и спасает сорвавшихся с виселицы⁸². Затем именно народ играет главную роль в столкновениях на ипподроме и в городе.

Малала пишет о центральных событиях восстания 532 г. в Константинополе следующее: «Когда 13 января на ипподроме проводились игры, обе партии призвали императора быть милостивым. Они кричали до 22 байи, но не удостоились ответа. Когда же дьявол внушил им дурную мысль, они стали кричать друг другу: «Многая лета человеколюбивым прасинам и венедам!» Окончив игры, толпа вышла в дружном единодушии,

⁷⁹ *Malal.*, p. 451: «В консульство того же самого Деуа император послал в Афины указ, приказав, чтобы никто не преподавал философию и не толковал законы».

⁸⁰ *Ibid.*, p. 473.

⁸¹ *Ibid.*, p. 474.

⁸² *Ibid.*, p. 478.

взяв себе в качестве пароля слово «Ника!» для того, чтобы не примешались к ним солдаты и экскубиторы. И таким образом она начала бушевать. Когда же наступил вечер, они пришли в преторий эпарха города, прося ответа относительно беглецов, находящихся в храме св. Лаврентия. Не получив ответа, они подожгли этот преторий»⁸³. Описав пожары в городе, хронист добавляет: «а народ продолжал беспорядочно бушевать»⁸⁴. Именно «восставшую толпу» затем тщетно пытаются разогнать солдаты Мунда, Константина и Василида. Народ и димоты составляют основную военную силу восстания, ведут бой с готами Велисария на улицах столицы. После того как в этой стычке многие димоты были убиты, «... раздраженная толпа бросала огонь и в другие места и кого-то в беспорядке убивала»⁸⁵.

Малала очень ярко показывает стихийность народного восстания, отсутствие единства среди восставших. «18 числа того же самого месяца, — пишет Малала, — император пришел на ипподром, держа святое евангелие. Узнав об этом, пришла и чернь (οἱ ὄχλοι), и император обратился к ним со словами клятвы. Многие из народа провозглашали его императором, другие же бунтовали, выкрикивая Ипатия»⁸⁶. Димы и толпа народа проводят коронацию Ипатия⁸⁷. И именно народ оказался главной жертвой во время трагедии на ипподроме, завершившей это восстание. «... Незаметно вышел кубикюлярий и спафарий Нарсес и привлек на свою сторону некоторых [людей] из партии венетов, подкупив их деньгами. И взбунтовавшись, кто-то из толпы стал выкрикивать Юстиниана императором города. Толпа, разделившись, устремила друг на друга. Когда же с обоих входов на ипподром вошли стрателаты, они начали уничтожать народ: одни бросали стрелы, а другие действовали мечами»⁸⁸.

В отличие от Прокопия, Малала хранит молчание о событиях в императорском дворце, о совете у Юстиниана, знаменитом выступлении на нем Феодоры, о поведении советников императора, сенаторов, гвардии. Скорее всего он просто не осведомлен обо всем этом, а знает лишь то, что произошло в самом городе. Но факты народного восстания он описывает правдивее и подробнее, чем его знатный собрат по перу.

О первом и втором восстаниях самаритян Малала сообщает многие интересные подробности, делающие его рассказ богаче и содержательнее по сравнению с рассказом Прокопия и других авторов.

О первом восстании самаритян 529 г. Малала рассказывает следующее: «... В июне месяце 7-го индикта, когда возник народный мятеж и произошло столкновение самаритян с христианами и иудеями, многие места в Скифополе были сожжены этими самаритянами. Услышав об этом, император разгневался на архонта Бесса и, сместив его, обезглавил в той самой земле. Самаритяне, узнав о том, что на них разгневался император, захватили власть и венчали [на царство] разбойника Юлиана, самаритянина»⁸⁹.

В хронике Малалы есть очень важные указания не только на религиозный, но и социальный характер движения самаритян. Так, он рассказывает, что самаритяне «... жгли поместья (κτήματα) и церкви и убивали многих христиан»⁹⁰. Малала не только показывает, что в этом движении самаритяне преследовали христиан, но и сообщает важные данные о связи восстания с борьбой цирковых партий в городах Палестины. Интересен

⁸³ *Malal.*, p. 474.

⁸⁴ *Ibidem*: καὶ ἐπέμεινεν ὁ δῆμος εἰσελαύων ἀτάκτως.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 475.

⁸⁶ *Ibidem*.

⁸⁷ *Ibidem*.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 476.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 445.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 446.

его рассказ о том, как царь самаритян Юлиан, захватив власть, устроил на ипподроме в Неаполе ристания, во время которых победу одержал возница христианин Никий. Узнав о том, что победитель — христианин, Юлиан, по словам Малалы, приказал тут же отрубить ему голову⁹¹.

Малала — правоверный христианин, поэтому он значительно более категорически обнаруживает свою «авторскую позицию» при описании восстания самаритян, чем при описании других народных движений. Он глубоко возмущен жестокостями самаритян в отношении христиан и особенно христианского духовенства. Он осуждает Юлиана за казнь епископа города Скифополя, за убийства христиан. За эти злодеяния, по мнению Малалы, бог отвернулся от Юлиана и передал его в руки воинов императора⁹². О жестокой расправе Юстиниана с самаритянами Малала говорит как о деле вполне справедливом и полезном. После разгрома восставших в сражении «многих самаритян дука зарубил и захватил силою самаритянина Юлиана, так как бог предал его. Отрубив ему голову, он (дука) послал ее вместе с диадемой императору Юстиниану»⁹³.

Малала считает совершенно естественным также и гнев Юстиниана на дуку Палестины, который не смог предотвратить восстание и допустил, чтобы самаритяне сожгли в этой провинции многие поместья и «устремилась в деревни и город»⁹⁴. Сместив и арестовав дуку Феодора Курносого, Юстиниан назначил вместо него наместником Палестины антиохийца Иринея. «Тот, выступив против находящихся в городах самаритян, жестоко им отомстил, убив многих»⁹⁵.

По словам хрониста, после окончательного подавления движения из Палестины в Персию бежало 50 тысяч участников восстания, ища помощи у персидского шаха Кавада⁹⁶. Беглецы обещали передать шаху всю свою страну. Это указывает на огромный размах восстания. Интересны данные Малалы о пестром социальном составе движения самаритян. По его сведениям, из Персии в Палестину возвратились 5 богатых участников восстания, они были пойманы и уличены византийским правительством в предательстве — в тайных переговорах с персами⁹⁷.

Таковы интересные сведения Малалы о первом восстании самаритян.

Второе восстание самаритян и иудеев в Кесарии Палестинской, по словам Малалы, было характерно тем, что в нем объединились самаритяне и иудеи, «как будто образовав партию» (ὡς ἐν ταῖσι μερικῶν). Затем, объединившись, они «... напали на христиан этого города и многих из них убили, а церкви их разрушили. Когда архонт этого города выступил на помощь христианам, самаритяне пришли и убили его в претории, а все его имущество разграбили»⁹⁸. Жена архонта Стефания бежала в Константинополь и сообщила о восстании Юстиниану, который приказал правителю Востока Амантию подавить движение. «Получив царский указ, Амантий отправился в Кесарию. Разыскав совершивших убийство и проведя следствие, он одних распял, других обезглавил, у третьих отрезал правую руку, а у некоторых конфисковал имущество. И поднялась паника в городе Кесарии и в восточных областях»⁹⁹. Столь жестокое подавление восстания не вызывает у Малалы никакого сочувствия к жертвам правительственного террора, и все описание движения самаритян дается в совершенно лояльных к правительству тонах.

⁹¹ *Malal.*, p. 446.

⁹² *Ibidem.*

⁹³ *Ibid.*, p. 447.

⁹⁴ *Ibidem.*

⁹⁵ *Ibidem.*

⁹⁶ *Ibid.*, p. 455.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 456.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 487.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 488.

Столь же лоялен Малала в описании других народных восстаний и столкновений цирковых партий, сообщениями о которых буквально пе- стрит его труд. При этом хронист всегда рассказывает о жертвах и жесто- ких расправах с восставшими. Эти ужасы должны, видимо, поразить воображение читателя, точно так же как сообщения о гибели тысяч жи- телей империи во время землетрясений и других стихийных бедствий.

Так, при эпархе Константинополя Фоме, во время праздника «рожде- ния города», в столице произошло столкновение между партиями цирка; император Юстиниан тотчас отдал приказание экскубиторам выступить против толпы. При атаке войск одни, убегая, были задушены, а другие зарублены солдатами ¹⁰⁰. Вскоре произошло новое столкновение партий; восставшие подожгли дом Парда, прекрасные здания сгорели, а многие граждане были убиты. Во время последующих столкновений партий на ипподроме неизменно гибло много народа ¹⁰¹.

Юстиниан иногда принужден был идти на уступки восставшему народу. Так, когда разразился мятеж бедноты, вызванный порчей монеты, импе- ратор приказал прекратить чеканку неполноценных денег ¹⁰².

Отдельные сообщения Малалы о борьбе димов помогают выяснить со- циальный состав борющихся партий прасинов и венетов. У Малалы есть прямое указание на наличие знатных людей в партии венетов. Так, автор пишет: «В мае месяце того же самого индикта был недостаток хлеба в Кон- стантинополе. Испытывая в нем нужду, люди во время праздника «рожде- ния города» (γενέθλιον) в присутствии персидского посла с громким криком обратились к императору. Разгневавшись, император отдал приказ Мусо- нию, бывшему тогда эпархом города, и были захвачены люди из партии венетов. Некоторые знатные люди были подвергнуты наказанию (... ἐκολάσθησαν τινες τῶν ἐνδόξων ἀνδρῶν)» ¹⁰³.

Далее, рассказывая о больших беспорядках в Константинополе, вы- званных столкновением партий во время игр на празднике «рождения го- рода», Малала упоминает, что на партию прасинов напали «люди из дома Аппиона». Люди «дома Аппиона» — это челядь знатного вельможи, ви- димо поддерживавшего венетов. Во время нападения венетов на прасинов столкновения вспыхнули в различных местах города; переправившиеся из Сикк венеты стали жечь приморские склады и мешали тушить пожар, стреляя в тех, кто пытался его погасить. Естественно предположить, что эти приморские склады принадлежали торговцам и ремесленникам из партии прасинов. Это же подтверждает далее сам Малала, говоря, что «ведь и ре- месленники со своей стороны не бездействовали; охваченные враждой, они сожгли находящийся в гавани дом Андрея. Равным образом столкно- вения происходили и на Месе, и там они бросили огонь в дом Варсимия (Петра Варсима. — *Σ. Υ.*), бывшего тогда эпархом. Сражение продолжа- лось два дня. Вышедшие с большим войском комит экскувитов Марин и славнейший куроупалат Юстин с большим трудом могли успокоить обе партии» ¹⁰⁴.

Таким образом, из рассказа Малалы можно сделать вывод о том, что прасины, состоящие главным образом из ремесленников и торговцев, громили дома знати из партии венетов, а венеты жгли склады прасинов.

В правление эпарха Геронтия обе партии поджигали город, многие были наказаны и даже убиты. Аресты, по словам Малалы, продолжались 70 дней ¹⁰⁵.

¹⁰⁰ *Malal.*, p. 483.

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 484.

¹⁰² *Ibid.*, p. 486.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 488.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 490.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 491.

Восстания народа и столкновения партий цирка происходили не только в Константинополе, но и в других городах. Малала рассказывает, например, о народном восстании, связанном с борьбой партий в городе Кизике ¹⁰⁶.

Иногда причиной восстания димов являлись религиозные разногласия. Так, в Антиохии, как уже упоминалось, из-за преследования еретиков вспыхнули серьезные волнения народа, возглавляемые димами ¹⁰⁷. Случались раздоры и внутри самих партий. В Константинополе произошла схватка среди венетов в Питтаких, и были обнажены мечи. Во время сражения у Клирика, сына Иоанна Коментарисия, по прозвищу Гил, отрубили руку ¹⁰⁸.

Таким образом, Малала, как никто другой из византийских историков и хронистов VI в., сообщает ценнейшие сведения о народных восстаниях в Византийской империи в правление Юстиниана. При всей сдержанности и «добропорядочности» хрониста в описании народных восстаний, за исключением движений религиозного характера, Малала более объективен, чем другие авторы.

Интересны данные Малалы о борьбе внутри господствующего класса империи при Юстиниане. Однако при описании событий, связанных со столкновениями в верхах общества и при дворе, сказывается неизмеримо меньшая его осведомленность, чем Прокопия и других писателей — выходцев из кругов византийской знати. Это ярко проявляется в рассказе Малалы о восстании Ника. Следует подчеркнуть, что никаких признаков сочувствия хрониста династической оппозиции, сыгравшей немаловажную роль в этом восстании, нет. Более того, Малала, в противоположность Прокопию, всячески оправдывавшему действия оппозиции, подчеркивает справедливость и великодушие Юстиниана в отношении родственников императора Анастасия. Так, по словам Малалы, Юстиниан помиловал патрикия Проба, уличенного в том, что он поносил императора еще до восстания Ника. Когда сенат осудил за это Проба, император его простил ¹⁰⁹.

Патрикий Помпей и Ипатий занимали при Юстиниане высшие военные посты, и Ипатий, по данным Малалы, был отстранен от должности стратилата Востока за военные неудачи, а не из-за неблагоприятного отношения к нему императора ¹¹⁰.

Роль Ипатия в восстании Ника описана Малалой более объективно, чем Прокопием. Правда, Малала, так же как и Прокопий, признает, что Ипатий был «взят» димами и провозглашен императором. Но затем он узнал, что император бежал, и, «усевшись в царской кафисме, ничего не боясь, стал тиранически править» ¹¹¹. Иными словами, Малала считает, что Ипатий сам стремился к власти. Также не верит он и в оправдания Ипатия и Помпея перед императором после подавления восстания ¹¹². В отличие от Прокопия, симпатизировавшего прасинам и явно недолголюбивавшего венетов, Малала не склоняется на сторону ни той, ни другой партии, хотя он подчеркивает, что сам император Юстиниан «любил партию венетов» ¹¹³.

Сравнительно подробнее, чем о других событиях, связанных с борьбой внутри господствующего класса, рассказывает Иоанн Малала о заговоре против Юстиниана, составленном константинопольскими богачами-менялами (аргиропратами), видимо недовольными финансовой политикой этого императора. В заговоре участвовали Аблабий, сын Мильтиада, аргиروطрат

¹⁰⁶ *Malal.*, p. 491—492.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 468.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 492. Остается спорным, является ли здесь слово «Клирик» именем собственным или духовным званием.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 438—439.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 445.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 475.

¹¹² *Ibid.*, p. 476.

¹¹³ *Ibid.*, p. 425.

Маркелл и племянник куратора Эферия Сергий. Замысел заговорщиков состоял в том, чтобы убить императора во время вечерней трапезы в триклинии. Заговор имел довольно разветвленную сеть участников. «Были у них, — пишет Малала, — и преданные люди, поставленные в разных местах, чтобы, когда совершится задуманное, они вызвали бы смятение среди народа». Однако план заговорщиков был сорван предательством Аблабия. Маркелл был схвачен, когда он со спрятанным под одеждой кинжалом входил во дворец. Он тут же на месте закололся, другие участники заговора пытались скрыться. Когда заговор был раскрыт, обнаружилось участие в нем аргиропрата Исакия, близкого к патрикию Велисарию. Подозрение пало и на самого Велисария, который так и не смог оправдаться. Он попал в опалу, а участники заговора были сурово наказаны ¹¹⁴.

Рассказ Иоанна Малалы о заговоре аргиропратов столь подробен, насыщен такими реальными деталями, связанными с жизнью дворца и высших слоев общества, что даже выпадает из общего изложения хроники, заставляя предполагать наличие у автора какого-то особого источника, достаточно осведомленного об этих событиях. Но это место является скорее исключением, ибо обычно Малала знает и говорит больше и охотнее о жизни городских масс населения, чем о придворных интригах и заговорах.

До сего времени остается спорным, вопрос о причинах различия между двумя частями 18-й книги «Хронографии» Малалы. Было замечено, что в первой части 18-й книги центром повествования является Антиохия, и особое внимание автор уделяет событиям на Востоке, во второй же части место действия целиком переносится в Константинополь.

Это суждение, на наш взгляд, вполне справедливо. Действительно, в первой части 18-й книги хронист как очевидец рассказывает о делах, происходивших на Востоке, основное внимание здесь уделяется внешнеполитическим событиям, главным образом войнам с Ираном ¹¹⁵, причем они порою освещены даже с большими подробностями, чем у Прокопия или Захария Ритора. Очень много места отводится также взаимоотношениям Византии с аксумитами и химьяритами, с различными кочевыми арабскими племенами ¹¹⁶. О делах на Западе, войнах в Африке и Италии хронист плохо осведомлен и рассказывает о них крайне лапидарно. В этих разделах 18-й книги вопросы внутренней политики освещены применительно главным образом к истории Антиохии ¹¹⁷.

Рубежом между первой, «восточной», и второй, «константинопольской», частями 18-й книги хроники Малалы, на наш взгляд, может служить описание восстания Ника ¹¹⁸.

Внимательное изучение описания Малалой восстания Ника убеждает нас в том, что этот рассказ может принадлежать только перу очевидца, настолько он подкупающе правдив и прост. Предположение об использовании Малалой какого-то неизвестного источника, повествующего о восстании Ника, очень шатко и нуждается в подтверждении.

Думается, более правдоподобной выглядит гипотеза о том, что в 532 г. Малала уже покинул Антиохию и переехал в Константинополь. Правда, К. Крумбахер считает, что наш хронист оставил свой родной город и переселился в столицу после разгрома персами Антиохии в 540 г. ¹¹⁹ Но если бы это было так, то едва ли такое потрясающее событие, как страшное разрушение и разграбление великой столицы Сирии Хосроем, причи-

¹¹⁴ *Malal.*, p. 493—494.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 440—442, 444—456, 460—467, 470.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 434—435, 456—457.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 442—444, 448—450, 452, 467, 470.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 473—477.

¹¹⁹ *K. Krumbacher. Op. cit.*, S. 331.

нившее огромные бедствия ее населению, могло бы не оставить глубокого следа на страницах хроники, написанной антиохийцем, видевшим своими глазами персов в родном городе. Между тем при чтении «Хронографии» Малалы поражает, что взятию Антиохии персами в 540 г. посвящена лишь одна строка: «В июне месяце третьего индикта царь персов Хосрой захватил Антиохию»¹²⁰.

Вызывает недоумение тот факт, что Малала, уроженец Антиохии, так любивший свой город, остается как бы совершенно равнодушным к этой страшной катастрофе. В то время как Прокопий подробно описывает осаду и гибель Антиохии, Малала лишь вскользь упоминает о событии, которое должно было трагически отразиться на его личной судьбе и судьбе его близких. Причем автора больше интересует не гибель города, а злоупотребления стратига Германа, посланного в Антиохию и занимавшегося там скупкой по дешевке серебра¹²¹.

После описания восстания Ника (еще до сообщения о взятии Антиохии персами) заметно явное усиление интереса хрониста к жизни Константинополя. С этих пор хроника Малалы буквально пестрит рассказами о событиях, происшедших в столице. Тут и победный триумф Велисария на ипподроме после разгрома вандалов¹²², и описание различных стихийных бедствий, обрушившихся на великий город: землетрясений, чумы, пожаров и т. п.¹²³ Много говорится о восстаниях столичных димов и борьбе цирковых партий¹²⁴. Особое внимание хронист уделяет сообщениям об украшении Константинополя Юстинианом, о восстановлении дворцов и храмов¹²⁵. И все эти рассказы насыщены бытовыми деталями, говорят о знании автором топографии города, что также свидетельствует о создании этой части хроники на основании личных наблюдений хрониста.

Во второй части 18-й книги хроники интерес к восточным делам совершенно утрачивается, хотя в это время происходила вторая война с персами, окончившаяся захватом Антиохии. Упоминания о самой Антиохии хотя и не исчезают со страниц хроники, но очень редки и кратки. Более того, внешнеполитические события перестают увлекать автора, и он всецело переходит к описанию внутренней истории, главным образом связанной с народными движениями, борьбой партий, заговорами против императора, к описанию различных бедствий, постигавших в то время империю.

¹²⁰ *Malal.*, p. 479.

¹²¹ *Ibid.*, p. 480.

¹²² *Ibid.*, p. 479: «В двенадцатый индикт был захвачен Велисарием король афров вместе со своей женой, и их привезли в Константинополь. Во время игр на ипподроме пленники были проведены вместе с добычей». Нападение гунов и славян на столицу — *ibid.*, p. 490.

¹²³ *Ibid.*, p. 478: «В то же время ночью в Византии произошло землетрясение, так что весь город собрался на так называемый форум Константина и провел бессонную ночь в молитвах и мольбах»; p. 479: «... в то же время упала стела Юлиана Отступника, стоявшая в середине гавани Юлиана. Вместо этой стелы был водружен крест». Мор в Византии — *ibid.*, p. 482; гроза и пожары в столице — *ibid.*, p. 484; новое страшное землетрясение в Византии — *ibid.*, p. 487; подробное описание разрушений, причиненных еще одним землетрясением — *ibid.*, p. 489; чума в столице — *ibid.*, p. 489; пожары — *ibid.*, p. 491; нехватка воды в столице — *ibid.*, p. 492.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 483, 484, 486, 488, 490—492. О смерти возницы Юлиана на ипподроме, упавшего во время ристаний, — *ibid.*, p. 495.

¹²⁵ *Ibid.*, p. 479: «В то же время была восстановлена Халка Константинопольского дворца, украшенная различными сортами мрамора, а также мозаикой. Перенесены были и части, находящиеся вблизи Августейона и базилики»; обновление церкви св. Ирины — *ibid.*, p. 486; рассказ об этой церемонии явно принадлежит перу очевидца: «В сентябре месяце было обновление церкви св. Ирины, находящейся по ту сторону в Юстинианах. Святые мощи были вынесены в присутствии двух патриархов, я имею в виду Мину, патриарха Константинополя, и Аполлинария, папу Александрии. Оба они сели в царскую колесницу, держа на коленях мощи». Ср. описание восстановления купола св. Софии, разрушенного во время землетрясения, — *ibid.*, p. 489—490; обновление церкви св. Феодоры — *ibid.*, p. 492; о вторичном обновлении церкви св. Софии — *ibid.*, p. 495.

Итак, на наш взгляд, композиционные и тематические различия двух частей 18-й книги скорее всего можно объяснить изменениями в личной судьбе автора, переехавшего где-то около 532 г. в столицу и отныне стоявшего ближе к жизни Константинополя. И хотя изложение во второй части действительно стало более лапидарным, все же оно органически связано со всем предыдущим, и нет основания создавать версию о том, что 18-я книга хроники Малалы писалась двумя различными хронистами или обрабатывалась неизвестным редактором.

Язык во всех частях хроники Малалы довольно грубый, лишен ясности и точности классического греческого языка. Глагол у него часто заменяется причастием, допускаются нарушения грамматического строя и вольные переходы от прямой речи к косвенной, что иногда затемняет смысл повествования¹²⁶. Однако резких языковых различий в отдельных частях хроники не наблюдается.

Всемирная хроника Иоанна Малалы писалась уже не для узкого круга знати и образованных людей, а для широких масс, прежде всего для многочисленного в Византийской империи монашества. Автор хроники не ставил перед собой больших историко-философских или политических задач. Он отказался от мечты всех византийских авторов сравняться в красноречии с прославленными историками древности — Фукидидом, Полибием или Тацитом. Он задался целью дать правоучительное и в то же время занимательное чтение для широкой аудитории читателей и слушателей. И надо сказать, что эту задачу он выполнил успешно. Из-под его пера вышла настоящая книга для народа, написанная ярким и доходчивым языком и вместе с тем проникнутая христианско-апологетическим освещением событий. Сказочные эпизоды, чудесные происшествия расцвечивали яркими красками ткань повествования и составляли украшение хроники, столь притягательное для широких масс, дающее пищу народной фантазии и часто само порожденное ею. Но эти привлекательные черты хроники — ее популярность и занимательность — приводили зачастую к тому, что автор жертвовал в угоду занимательности логикой исторического повествования. Малала, в отличие от других византийских историков VI в., далек от какого-либо стремления критически проверить доступный ему исторический материал, взятый, как мы видели, из самых разнообразных источников различного качества. Перед нами причудливое переплетение важных исторических событий и анекдотов, ярких характеристик исторических деятелей и чудесных явлений природы, достоверных фактов и легенд. Все это смешано воедино, и средневековый читатель был лишен возможности отделить историческую правду от вымысла.

Неразборчивость автора в подборе источников в соединении с недостаточной его образованностью привели к тому, что «Хронография» Иоанна Малалы (особенно в первых 15 книгах) пестрит самыми примитивными и абсурдными ошибками и анахронизмами.

Так, в труде Малалы немало ошибок, говорящих о его слабой осведомленности в античной истории и мифологии. Исследователи уже отмечали, что лесбосская поэтесса Сафо превратилась у Малалы в современницу Кекропса и Краная, а философ Демокрит из Абдеры отодвинут в седую древность Пелопса. Геродот у Малалы — последователь Полибия, а Цицерон и Саллюстий — римские поэты¹²⁷.

Автора этой всемирной хроники поставить на высоту, достигнутую античной историографией. Труды представителей античной исторической мысли — Фукидида, Полибия, Аппиана, Тацита и других не только запечатлели сами события древности, но и донесли до нас элементы той

¹²⁶ K. Weikrhold. Studien zum Sprachgebrauch des Malalas. Oslo, 1963.

¹²⁷ K. Krumbacher. Op. cit., S. 327.

философии истории, которая явилась прогрессивной ступенью в развитии наших познаний об историческом процессе. Иоанна Малалу нельзя также поставить в ряд и с его близкими современниками — Прокопием, Агафием, Феофилактом Симокаттой. Эти корифеи византийской исторической науки еще оставались последними и наиболее талантливыми представителями античной историографии на византийской почве, хотя у них иногда через густой покров риторики, насыщенной античными реминисценциями, уже начинает пробиваться христианская идеология.

В отличие от них, Иоанн Малала принадлежит отчасти уже средневековой эпохе, это — монах-компилятор: он дает сводку чужих произведений, считая это не только своим правом, но и своей обязанностью.

Вместе с тем, несмотря на свой христианский характер, исторические построения Иоанна Малалы несут на себе родимые пятна античности. Его христианско-библейская концепция мировой истории во многом оказалась зеркалом, хотя зачастую кривым, античной, в первую очередь греческой, истории и даже греческой мифологии.

Это было по существу христианское произведение с большой дозой античной приправы¹²⁸.

В основе всемирно-исторической концепции Малалы лежит библейская традиция. Главной движущей силой исторического процесса у него выступает промысел божий, а вся история человечества есть всего лишь неизбежное осуществление предначертаний господних. Но, казалось бы, неожиданно в хронике Малалы в христианскую космогонию врывается Олимп древнего грека со всеми его обитателями, хотя и лишенными божественного ореола. Греческая мифология, хотя и в переработанном виде, уживается с христианской догматикой. Вытравливая из греческой мифологии божественность языческую, сводя олимпийских богов с неба на землю, автор вносит одновременно в языческие мифы божественность христианскую. По библейской канве он расшивает богатый античный узор. Канва заметно уродует узор, но все же сквозь завесу христианского благочестия проступают благородные черты образов, созданных вдохновенной фантазией античных греков.

Борьба двух тенденций, античной, языческой, и средневековой, христианской, пронизывает хронику Малалы, хотя, естественно, сам автор этого и не подозревает, думая, что его произведение вполне соответствует христианским канонам.

И несмотря на все эти слабости, историческому сочинению Малалы суждено было занять выдающееся место не только в византийской, но и в мировой средневековой историографии.

Загадка необычайной известности хроники Малалы состоит в том, что ее автор сумел в простой, доходчивой форме соединить богатейшее наследие античной историографии с христианским мирозерцанием. Христианство, родившееся на развалинах античного мира и завладевшее, казалось, без остатка духовной жизнью средневековой Европы, не смогло все же уничтожить обаяния языческой культуры. Заслугой Иоанна Малалы для средневекового человека было то, что он богов и героев языческого мира, незабытых, хотя и преследуемых, сумел облечь в одежды христианского смирения, а античную историю перекроить на библейский лад. Историческая инерция античной языческой цивилизации была столь могущественна, что смиренный христианин-летописец VI в., борясь против нее, сам был ею побежден. Когда читаешь благочестивый труд Иоанна Малалы, ясно видишь, что классическая древность еще не перестала быть живым, близким прошлым его страны, еще не утратила власть над его христианской душой.

¹²⁸ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 49—51.

Хроника Малалы была переведена на славянский и восточные языки и в течение многих веков пользовалась огромной популярностью у славянских народов и в странах Ближнего Востока. Как это ни парадоксально, но, видимо, Малала меньше читался и ценился современниками, чем потомками. В эпоху, когда феодальная идеология в Византии еще не сформировалась и не победила, Малале трудно было конкурировать, особенно в кругах интеллигенции, с такими прославленными собратьями по перу, как Прокопий и Агафий. Но позднее, в период торжества феодально-христианской идеологии, христианско-апологетическая концепция истории в сочетании с талантливым изложением принесли хронике Малалы широкую известность.

Именно в странах, сопредельных с Византией, где складывались феодальные отношения и распространялось христианство, хроника Малалы стала особенно популярной. Недаром труд Малалы оказался в числе первых византийских исторических сочинений, переведенных в Киевской Руси¹²⁹.

Хроника Иоанна Малалы служила источником для многих византийских хронистов. Так, еще в VI—VII вв. ее уже переписывали Иоанн Эфесский, анонимный автор Пасхальной хроники, Иоанн Никиусский и Иоанн Антиохийский. Еще больше заимствовали из хроники Малалы более поздние хронисты. Простота изложения и безыскусственность описаний обусловили такую необычайную популярность этого памятника.

¹²⁹ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 57—58.